

2. Уровни развития моральных суждений связаны с гендерными особенностями ценностной сферы личности подростков.

3. Подростки с более высоким уровнем развития моральных суждений обладают большей способностью понимать других людей, уровень эмпатических тенденций у них будет выше, чем у других подростков.

Существуют различия на уровне личностных черт у подростков в группах с разными уровнями развития моральных суждений.

Для изучения уровня развития моральных суждений в целях решения задачи настоящего исследования использовались: дилеммы Л. Колберга (форма А), 5-я шкала ММРІ, опросник, построенный по аналогии с методом измерения морального развития подростков «10 почему» – методика СРД – КФ (социоморальной рефлексии диагностики – краткая форма).

Для исследования мотивационной сферы применялись: «Методика изучения мотивации к успеху» Т. Элерса, «Методика мотивационной индукции» (МІМ) Ньютона (форма В, адаптированная для работы со школьниками, вар. Н.Н. Толстых). Изучение особенностей формирования ценностных ориентаций проводилось с помощью модифицированной методики «Ценностные ориентации» (М. Рокич), адаптированной А. Гоштаутасом, М.А. Семеновым, В.А. Ядовым. Для выявления личностных особенностей испытуемых использовалась методика Кеттелла (вариант С) [8; 9].

В мотивационной сфере среди мотивационных категорий, выбираемых подростками, проявились значимые различия в выборе категории «мотивация, связанная с трансцендирующими объектами» – в группе подростков, ответы которых отнесены к постконвенциональному уровню развития морального сознания, данная категория встречается чаще, чем в среднем по выборке. В группе подростков, чьи моральные суждения близки к конвенциональному уровню развития, данная категория практически не выбирается.

При рассмотрении «ценностей жизни», подростки, находящиеся на конвенциональном уровне развития моральных суждений, выше оценивают «материальную обеспеченность», чем подростки по выборке в целом, присваивая этой категории оценку 4,32 балла (из 5 возможных); в другой подгруппе, напротив, эта ценность получила наиболее низкие оценки – 2,65 балла. Среди инструментальных ценностей значимые различия прослеживаются в оценке такого качества, как «высокие запросы (высокие притязания)»: в группе, соотносимой с постконвенциональным уровнем, средние оценки этого качества существенно ниже, чем по общей выборке (2,54 балла), а во 2-й группе ребята присваивают этой категории в среднем 3 балла (из 5 возможных).

Таким образом, для юношей с более развитыми личными нравственными принципами характерны большая способность к пониманию людей, сочувствию и сопереживанию, наличие в структуре мотивации мотивационных категорий, связанных

с трансцендирующими объектами. Для суждений этого уровня характерно наделение отдельного человека значимостью и уникальностью, что создает предпосылки для построения межличностных диалогических отношений, в которых эмпатия выступает инструментом понимания другого человека. Подросткам второй группы свойственна большая ориентация на социально-значимые ценности и низкий показатель эмпатии, что может быть связано с «договорным» характером их морали, при котором нормы группы более значимы, чем чувства конкретного человека.

Резюмируя различия между двумя группами, можно указать, что подросткам с конвенциональным уровнем развития моральных суждений больше свойственна центрированность на себе, на собственном развитии. Для подростков постконвенционального уровня скорее присуща противоположная тенденция – выход за пределы собственной личности, когда цель активности вынесена во внешний мир (выбор мотивации, связанной с трансцендирующими объектами, отвержение активности, связанной с отдыхом, развлечениями и удовольствием, отвержение мотивационной категории «аспекты личности самого субъекта», выбор активности вообще, в том числе профессиональной деятельности, учебы).

С другой стороны, складывается впечатление, что подростки, находящиеся пока на конвенциональном уровне развития моральных суждений, более «успешны», уверены в себе и лучше вписаны в свое социальное окружение, тогда как в группе подростков с постконвенциональным уровнем развития моральных суждений «вынесенность» целей и интересов вовне может быть связана с невозможностью реализовывать более близкие цели, с отверженностью в группе сверстников. И, как следствие этого, с отторжением ее ценностей, отсюда может быть и повышенная тревожность и некоторая фрустрированность мотивации этих подростков, хотя это может быть также результатом повышенной чувствительности к обратной связи окружающего мира.

Обобщая результаты проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

Подтвердилось первоначальное предположение о наличии связи между уровнями развития моральных суждений и мотивацией подростков.

Существует положительная связь между постконвенциональным уровнем развития моральных суждений и степенью сформированности ценностной сферы личности подростка.

Подтвердилось изначальное предположение о связи между гендерными особенностями, уровнем развития моральных суждений и уровнем развития эмпатии.

Не подтвердилась гипотеза о наличии связи между уровнем развития моральных суждений и свойствами личности. Связь уровней развития моральных суждений со свойствами личности оказалась незначительной, большинство корреляций значимы лишь на уровне $\alpha = 0,05$.

Таким образом, исследование подтвердило наличие связи между уровнями развития

моральных суждений и особенностями ценностно-мотивационной сферы личности подростка. В то же время задача дальнейшего исследования состоит в определении характера выбора моральных суждений, степени его осознанности, различении

на эмпирическом материале декларативности при выборе нравственных категорий или их принятия в качестве основания поступков. Отдельным направлением является изучение онтогенеза гендерного развития моральных суждений.

1. Анциферова Л.И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Л. Колберга и его школы) // Психологический журнал, 1999. Т. 20, № 3.
2. Архангельский Л.М. Ценностные ориентации и нравственное развитие личности. М.: МГУ, 1999.
3. Дубровин И.В. (Ред.) Формирование личности в переходный период от подросткового к юношескому возрасту. М.: Педагогика, 1987.
4. Журавлев А.Л. Социально-психологическая зрелость: обоснование понятия // Психологический журнал, 2007. Т. 28, № 2. С. 44–54.
5. Клецина И.С. Психология гендерных отношений: теория и практика. СПб.: Алетейя, 2004.
6. Кон И.С. В поисках себя: личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.
7. Крэйг Г. Психология развития. СПб.: Питер, 2000.
8. Методы и методики социально-педагогического исследования / Под ред. С.Г. Вершловского. СПб.: ИОВ РАО, Тускарора, 1999. 123 с.
9. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности / Под ред. В.А. Ядова. Л.: Наука, 1979.
10. Серов Н.В. Цвет культуры: психология, культурология, физиология. СПб.: Речь, 2004.
11. Эльконин Д.Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте. // Избр. психол. Труды. М.: Просвещение, 1989.

ФЕДОТОВ ВИТАЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ аспирант СПбГИПСР

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ С ИНВАЛИДАМИ, ИМЕЮЩИМИ ОТКЛОНЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Проблема интеграции инвалидов, их социальной и экономической самостоятельности сегодня особенно остра в связи с резким повышением доли неработающих членов нашего общества, создающим угрозу разрушения системы социального обеспечения. Молодые инвалиды с нарушениями психического развития, с детского возраста занимавшиеся по абилитационным программам социальных служб и школ восьмого типа, в большинстве своем не работают и не живут самостоятельно, оставаясь, таким образом, социальным балластом.

Психолого-социальные методы являются главным инструментом формирования возможностей и связей, обеспечивающих интеграцию в общество людей, которые никогда в нем не участвовали, в частности детей с врожденными или рано приобретенными ограничениями жизнедеятельности. Они используются в сфере социальной защиты населения в центрах и отделениях социальной реабилитации несовершеннолетних с ограниченными возможностями, где развитие корректируют программами бихевиористского типа с привитием социально значимых навыков и навыков простого труда.

Цель нашей работы – рассмотрение особенностей абилитационного процесса у детей, подростков и молодых инвалидов с различными

врожденными нарушениями центральной нервной системы и рекомендация мер психолого-социальной работы, корректирующих динамику статуса этой категории инвалидов и обеспечивающих их последующую социальную интеграцию.

Для выявления динамики психического и социального развития в зависимости от характера нарушений, приводящих к интеллектуальной недостаточности, были выделены три экспериментальные группы из числа воспитанников Центра социальной реабилитации детей и подростков с ограниченными возможностями Приморского района Санкт-Петербурга. Группы были подобраны по характеру патологий, наиболее часто встречающихся у клиентов соответствующих реабилитационных служб, по полу и по возрасту участников. Одна из групп была сформирована из детей с синдромом раннего детского аутизма (РДА), другая – из детей с синдромом Дауна (СД), в третью вошли дети с органическим поражением центральной нервной системы (ОПЦНС). Все группы занимались по одинаковым абилитационным программам. Изменения психолого-социального статуса участников отслеживались в течение пяти лет по показателям уровней развития социально-бытовых навыков, навыков работы на компьютере, креативной деятельности, специализированных форм деятельности (изобразительное искусство,

верховая езда, плавание), трудовых навыков и активности участия в групповых занятиях. Оценку уровней производили с использованием балльных шкал.

Проведенные исследования показали зависимость динамики освоения подростками и ими же ранее, в детском возрасте отдельных социально значимых навыков от причины задержки развития. В группе воспитанников с РДА наиболее высоки динамика и показатели навыков специализированной деятельности. Более высокими темпами, чем в двух других группах, развиваются и достигли более высокого уровня навыки работы на компьютере. Низки по сравнению с достижениями других групп динамика и уровень участия в групповых занятиях. Группа воспитанников с СД наиболее интенсивно развивала навыки специализированной деятельности и социально-бытовые навыки. Менее динамично, чем в других группах, она осваивала трудовые навыки и навыки работы на компьютере. В группе воспитанников с ОПЦНС наиболее высокими темпами развивалась и достигла более высокого показателя, чем в других группах, активность участия в групповых занятиях. Эти результаты показывают, что для получения более выраженного эффекта социальной адаптации детей и подростков следует учитывать причину их отклонений в развитии и вводить дополнительные программы индивидуальных и групповых занятий по развитию соответствующих умений.

Так, например, для детей с СД желательны дополнительные индивидуальные занятия по развитию трудовых навыков и навыков работы на компьютере с учетом относительной замедленности их реакций, а для детей с ОПЦНС такие же занятия в малых группах по 2–3 человека с учетом их высокой возбудимости и активности. Детям с РДА необходимы специальные программы по развитию социальных контактов.

На протяжении исследуемого периода у участников всех групп отмечены сходные темпы и уровень развития социально-бытовых навыков и креативной деятельности; не обнаружено также существенных различий в развитии трудовых навыков. Соответственно, эти социально значимые признаки могут характеризовать общую для всех инвалидов с нарушениями психического развития динамику и уровень социальной адаптации, что можно использовать для дальнейших исследований. В целом, по данным пяти лет, исследования прослеживается положительная динамика формирования всех рассмотренных видов навыков и умений, что свидетельствует о действенности психолого-социальных мероприятий.

Близкие по содержанию мероприятия проводятся во многих реабилитационных службах Санкт-Петербурга, работающих с детьми, подростками и молодыми инвалидами с нарушениями психического развития, что позволило на основании полученных нами данных проанализировать результативность

деятельности этих служб по подготовке инвалидов к самостоятельной жизни. В качестве показателя подготовки занимающихся в трех таких службах трудоспособных инвалидов с легкой и умеренной умственной отсталостью к самообеспечению, бытовой и социальной самостоятельности выбрали оценку уровней социально-бытовой адаптации, социально-средовой ориентации, креативной деятельности, социальных взаимодействий (включая семейные), готовности к труду.

Все перечисленные навыки и умения исследованных молодых инвалидов были ниже показателей социального стандарта. По усредненным данным, более всего у этого контингента развиты навыки социально-бытовой адаптации и социальных взаимодействий (за исключением семейных взаимодействий). Второе место по уровню развития занимают креативная деятельность и готовность к труду. Наименее развита социально-средовая ориентация. Регистрация семейных взаимодействий выявила высокий уровень зависимости от семьи и низкий семейный статус обследованных.

Рассматривать эти результаты следует с учетом того, что исследовали вполне трудоспособных взрослых людей, которые и ранее, в детском и подростковом возрасте, пользовались мероприятиями развивающих программ вспомогательных школ и реабилитационных служб. В связи с этим анализ должен выявить причины, по которым они не работают и до сих пор являются клиентами тех же служб.

С этой точки зрения наиболее показательны низкая социально-средовая ориентация и особенности семейных взаимодействий этих клиентов, которые, очевидно, вызывают проблемы при попытках самостоятельно обращаться в различные органы, учреждения и к работодателю, если эти попытки действительно имеют место. Часть из них указывает, что в подобные организации они обращаются вместе с родителями, другая часть никогда там не была, третьи, испытав проблемы, решили больше туда не ходить.

Характерно, что ни в программах работы с детьми и подростками, используемых в социальных службах, ни в программах работы с молодыми инвалидами нет занятий по развитию социально-средовой ориентации в тех ее аспектах, которые важны для трудоустройства, адаптации на рабочем месте и в трудовом коллективе, взаимодействия с администрациями различного уровня. Отсутствуют также программы по профилактике деформации семейных отношений. Представляется необходимым введение экспериментальных программ, рассчитанных на несколько лет классных и практических занятий по формированию у воспитанников реабилитационных служб соответствующих личностных и социальных качеств и оценка влияния таких программ на степень социальной зрелости инвалидов с нарушениями психического развития.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

КАНДИДАТУ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК, ДОЦЕНТУ КАФЕДРЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ ВАЛЕНТИНЕ ПАВЛОВНЕ ЖУКОВОЙ – 80 ЛЕТ

Обновление и процветание России, ее развитие сегодня происходит с участием тех из наших современников, которые принимают активное участие в политических и социальных процессах динамично изменяющегося общества. Сознательность, ответственность, творческий потенциал, социальная и психологическая зрелость, умение достигать поставленные цели, неуспокоенность достигнутым, профессионализм – это отличительные черты таких людей.

Валентина Павловна Жукова родилась в 1928 г. в Смоленске. После окончания школы поступила на историко-филологический факультет Горьковского государственного университета в 1946 г. После завершения третьего курса переехала в г. Иркутск, где и окончила в 1951 г. Иркутский государственный университет. В течение своей трудовой деятельности работала учителем, директором школы, заведующим районным отделом народного образования, избиралась депутатом районного совета, членом исполкома. Вся ее дальнейшая педагогическая, научная и общественная деятельность была связана с Хабаровским педагогическим институтом (1970–2001 гг.), ныне педагогический университет. Здесь она прошла путь от ассистента кафедры педагогики и психологии до доцента, декана (1982–1988 гг.). Свою научную карьеру Валентина Павловна определила в период обучения в аспирантуре ЛГПИ им. А. И. Герцена. Она была одним из аспирантов доктора педагогических наук, профессора Т.К. Ахаян и в 1980 г. под ее руководством защитила кандидатскую диссертацию: «Роль комсомольской организации в формировании у старшеклассников активного отношения к выбору профессии рабочего», в которой были обобщены результаты ее исследования о совместной работе комсомольских организаций школ и производственных коллективов.

Обучение в аспирантуре способствовало научному и деловому общению с учеными-педагогами, профессорами Т.К. Ахаян, З.И. Васильевой, А.К. Громцевой, Т.Е. Конниковой, К.Д. Радиной, Г.И. Шукиной, что обеспечило высокий уровень теоретической и практической подготовки к новому этапу профессиональной деятельности. Ее участие в работе научно-исследовательской лаборатории «Личность в образовательном учреждении: воспитание и саморазвитие» (1994–1998 гг.), грант «Воспитательная система школы» (1999 г.), организация экспериментальной площадки на

базе гимназии № 4 (1996–1998 гг.) является вкладом в развитие школьного обучения и воспитания. В.П. Жуковой опубликовано более 50 работ. В учебном пособии «Гимназия, история и современность» (2000 г.), основу которого составила концепция развивающейся школы, гуманистические подходы к теории развития личности, раскрыты особенности гимназического образования, представлен опыт, который выработан педагогическими коллективами гимназий в прошлом и настоящем. Работы: «О детях, нуждающихся в педагогической поддержке» (1998 г.), мини-хрестоматия для детей младшего школьного возраста и учителей (1997 г.), «Проблемы образования высшей педагогической школы» (2000 г.), «Интересы и склонности как условие мотивационной активности выбора профессии учителя» (2004 г.), «Организационно-педагогические условия обеспечения адаптации студентов первого курса к образовательному процессу в вузе» (2008 г.) – помогают проникнуть в сущность педагогического явления, в соотношение индивидуального и возрастного в развитии и становлении личности.

С 2002 г. В.П. Жукова – сотрудник Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы, доцент кафедры педагогической антропологии. Сфера ее научных интересов достаточно широка: современные подходы к организации процесса обучения в вузе, аспекты педагогической антропологии, педагогическая и психологическая диагностика, проблемы мониторинга в образовательном учреждении. Научный уровень, практический опыт, мобильность, микроклимат коллектива позволили не только не утратить научного потенциала и жизнеспособности, но и начать разработку новых учебных дисциплин, их модульно-тематическое структурирование, реализовать эффективную систему педагогической практики студентов факультета прикладной психологии. Под ее руководством выполняются на достаточно высоком научно-теоретическом уровне выпускные квалификационные и курсовые работы, доклады студентов на научно-практических конференциях.

Высокая работоспособность, настойчивость, компетентность обеспечивают успех любого направления ее деятельности.